

ЗУБОСКАЛ

ЖИЗНЬ

хроника исследования жизни беспечальных коптителей салтыковского неба
zuboskal@memo.ru

КРИТИКЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ

19.06.2019

Так говорил Достоевский?

Мы очень рады, что вы подписались на «Зубоскал»!

Маленькая неувязка — его пока не существует. И, похоже, чтобы сделать его как следует, нам придется разобраться с тем, кто, как и зачем придумал «Зубоскал» до нас.

В начале был Фёдор Достоевский — молодой автор «Бедных людей», которому поэт и издатель Николай Некрасов предложил издать новый сатирический журнал. На дворе 1845 год. В Крыму уже неспокойно, но война ещё не началась.

Вступление Достоевского к «Зубоскалу» опубликовано в ноябрьских «Отечественных записках». Сам «Зубоскал» так никогда и не вышел — его запретили ещё до рождения. Манифест несостоявшегося журнала даже не вошёл в собрание сочинений автора «Двойника» и «Неточки Незвановой».

У нас есть подозрение, что 80 лет спустя инженер Молчанов тоже читал вовсе не его, а Корнея Чуковского. В 1914-м году (в мире уже неспокойно, но война ещё не началась) он напечатал статью **«Забытое и новое о Достоевском»** и воскресил в ней память о «Зубоскале».

Ещё 80 лет спустя мы случайно обнаружили “Зубоскал” Молчанова, и вот, что говорил о нём Федор Достоевский:

Мы и без того уверены, что многие отвергнут наш альманах единственно ради названия; посмеются, даже немного посердятся на него, обидятся, назовут «Зубоскал» анахронизмом, мифом, пуфом и, наконец, признают его чистою невозможностью.

«Как! Смеяться в наш век, в наше время, железное, деловое время, расчётливое время, полное таблиц, цифр и нулей всевозможного рода и вида? Да и над чем, прошу покорно, смеяться вы будете? Над кем смеяться прикажете нам?»

Стоп, о каком «Зубоскале» речь?

А, ну, о том, которого нет.

3.07.2019

Красные обыватели

Салтыковка 30-х годов – подмосковный посёлок на 1200 с лишним домов, пристанище дачников и неудачников.

Первые, следуя традициям последних дореволюционных десятилетий, снимают дома на лето, а кто-то перебирается и «насовсем». Когда-то здесь писал в изгнании Левитан и осматривал окрестности Мейерхольд.

Вторая часть местных – главным образом семьи железнодорожных рабочих, получивших жильё недалеко от места службы.

Здесь довольно густой лес и несколько небольших прудов – с организованным катанием на лодках, пионерскими кострами на берегу и неизменными ежегодными утопленниками. Незадолго до пионеров здесь существовало живое скаутское движение, «братство костра», полностью разгромленное во второй половине 20-х. Несколько юных активистов движения жили прямо здесь, в Салтыковке.

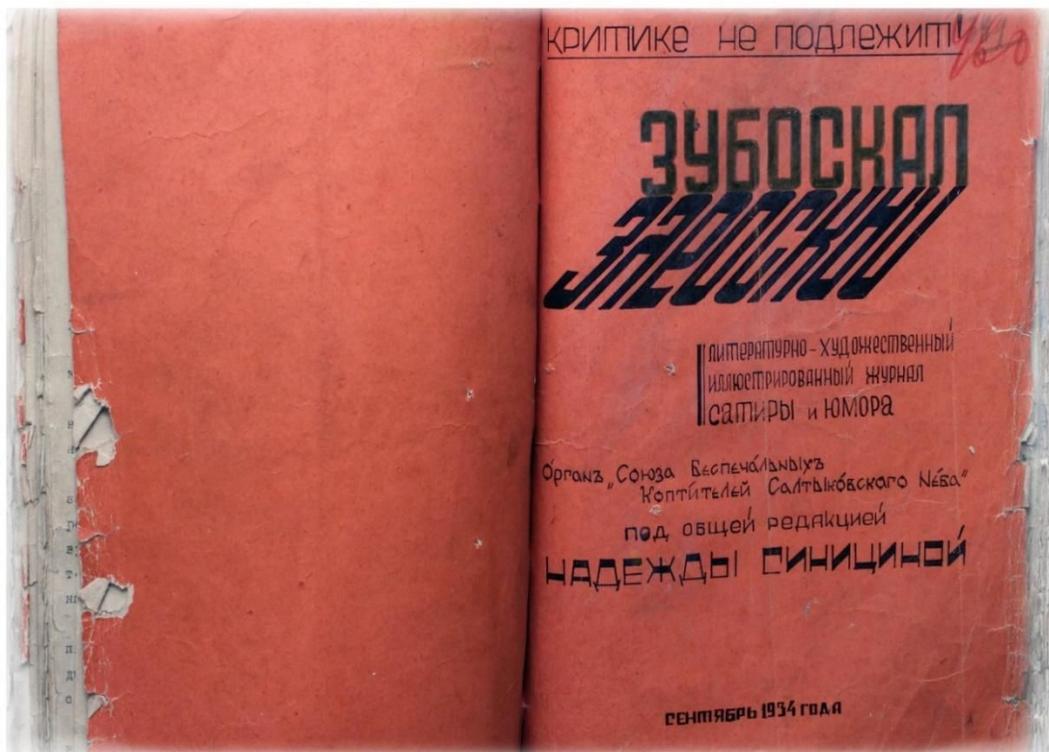
В начале 30-х, в то время, когда взрослеют Молчанов и его друзья, Салтыковка живёт с небольшим опережением общесоветского графика. Жить тут уже «лучше и веселей» – дачники разъезжают по пыльным дорогам на «Харлеях», а менее шумная и более усидчивая часть молодёжи ночью вывешивает на станционную доску объявлений газету «Красный обыватель».

17.07.2019

Кто заказал Надежду Сеницыну?

Как-то осенью 1934 года, без всякой видимой причины, полужнакомые люди стали улыбаться Надежде Сеницыной в электричках. Салтыковская жизнь устроена вокруг поездов до Москвы: друзья назначают друг другу встречи на платформе в определённое время, молодёжь увлекается трейнспоттингом.

Скоро уже вся Салтыкова в курсе того, что Надежда Сеницына издала свой журнал. Её имя на обложке, её дом — Нижегородская, 11 — указан как адрес редакции. Поначалу это было даже смешно и лестно, пока подружки (Нина Филиппова и Таня Холчева) не стали рассказывать о журнале страшное. Оказывается, в каждом рассказе авторы смеются над распушенностью салтыковских девушек!

Почему-то Нина Филиппова мечтает кого-нибудь подцепить в поезде до Ленинграда. Маменькин сынок инженер Баранов с соседней улицы спит с чьей-то женой (интересно, с чьей?). Недавняя вечеринка у Кучинского пруда представляется «эротической оргией».

Так всегда с этим Молчановым и его другом Половинкиным — непонятно, что и думать. В том году они вешали плакаты на заборе дома Тани Холчевой и бросали ей в почтовый ящик «письма из загробного мира». А теперь вот это. Но стоит ли злиться, когда за окном тебя хором поздравляют, зовут гулять и слушать чтения журнала? стакан воды (в теории) — наполовину пуст или наполовину полон?

Ответ становится яснее, когда летом следующего года домой к Сеницыной приходит НКВД и арестовывает её за издание антисоветского журнала.

31.07.2019

Обыватель в окружении

Допрос инженера Молчанова, в редакции следователя Павловского:

Я полностью со всей откровенностью должен заявить, что по ряду вопросов политики партии придерживался и высказывал взгляды, которые иначе как контрреволюционными назвать нельзя.

Основной причиной их являлись: обывательское окружение, в котором я рос и воспитывался, среда беспринципной идеологически неустойчивой молодежи и крайний индивидуализм, в силу которого все, кто не шел по тому пути, по которому идут все, вызывали у меня сочувствие к ним.

Этот индивидуализм и большая самоуверенность вызывали во мне сильно развитый скептицизм по отношению к советской действительности и, как следствие, я в своих взглядах среди товарищей доходил до антисоветских постановок вопроса по отношению к политике ВКП(б).

Я нередко высказывал следующие взгляды и основной моей любимой теорией является теория свободной позиции личности, т.е. человек является силой и большой личностью только тогда, когда не считается с «мнением всех». В конкретном применении к советской действительности мои взгляды сводились к оправданию и прямому сочувствию к людям, противостоящим общепризнанным постановкам партии, т.е. идущим против советской действительности.

10 августа 1935-го, внутренняя тюрьма НКВД, Лубянка

3 августа, в день московских протестов, мы откроем небольшой обывательский ларёк на Пикнике «Афиши» — с историями из «Зубоскала» и хроникой текущих событий в Международном Мемориале и «Открытом Списке». Мирные формы протеста, пассивные формы протеста, невольные формы протеста — все вместе и по отдельности.

14.08.2019

Время (назад)

Два с половиной года назад ленинградский шофёр Мартынов похитил из тужурки своего товарища, шофёра Тихонравова, его шофёрскую книжку. В отсутствие Тихонравова взял его машину и выехал в город. Затем Мартынов напился. Напившись, он взял знакомых девушек, начал их катать и наехал на молочницу. Во время протокола Мартынов назвал себя Тихонравовым и, вернувшись, тихонько поставил машину на место. Когда эта история выяснилась и преступление Мартынова раскрылось, в гараже было общее собрание.

Одна часть собравшихся требовала немедленно выгнать Мартынова с работы и исключить его из профсоюза.

Другая часть требовала не только выгнать с работы и исключить из профсоюза, но и арестовать.

Третья, самая кровожадная часть собрания требовала: «Надо его, Мартынова, отвести к писателю Зощенко, и пусть он с него напишет рассказ».

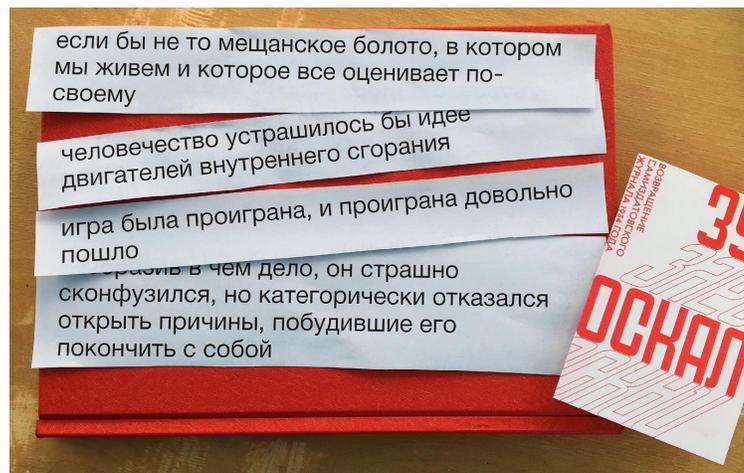
В 1934-м году, в год издания «Зубоскала», состоялся первый съезд советских писателей. Среди множества других тем, обсуждались недавняя кончина РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей), новый канон социалистического реализма, положение левой литературы после победы нацистов на выборах в Германии.

В новой культурной ситуации инженер Молчанов выбрал себе уже устоявшиеся культурные образцы. Его герои — писатели родом из 20-х — Ильф и Петров, Пантелеймон Романов, Михаил Зощенко.

В тот момент, когда литература в СССР пережила большой культурный поворот, рассказы Молчанова — уже литературный анахронизм, инерция из прошедшего времени. Когда Молчанова будут судить за то, что он написал, его оправдательным референсом станет именно сатира недавнего прошлого: «Я писал языком Зощенко, ему же не ставится в вину, когда он пишет такие выражения, а вот мне ставят в вину и обвиняют в контрреволюции».

К тому моменту это время еще не прошло, но уже начало истончаться. Мало кто понимал это в 1934-м, на первом писательском съезде. Не понимал этого и Михаил Кольцов, рассказавший своим собратям байку про шофёра Мартынова/Тихонравова.

«Больших» писателей пока ещё не судили «за литературу», но салтыковский инженер Молчанов уже был готов получить свой срок.

11.09.2019

Очень скучный семинар

19 сентября в Музее истории ГУЛАГа **встретятся** лучшие из двух миров — историки из «Прожито» и самопровозглашенные историки из «Открытого списка», — чтобы обсудить творческое наследие Леонида Молчанова (которое и при жизни, и долгое время после его смерти едва ли кто признавал «наследием», тем более «творческим»).

В программе: дневники из 20-х, рассказы из 30-х, следственное дело и современные попытки его интерпретации.

Зачем скучно описывать скучную жизнь и что из этого может получиться? Скука в Салтыковке, скука в Лубянской тюрьме, скука как психологическая попытка реконструкции ускользающей реальности.

Заранее скучаем без вас.

Лаборатория «Прожито» с Молчановым

19 сентября 2019

19:00

Музей истории ГУЛАГа

1-й Самотечный переулок, 9ст.1

25.09.2019

КТО БЫЛ НИКТО

В «Мертвеце» Джима Джармуша индеец Никто объясняет робкому бухгалтеру Биллу Блейку, что тот на самом деле великий поэт и убийца (сам-то Блейк знает, что он всего лишь приехал просить работу счетовода в конторе, потому что его бросила девушка). По ходу действия, с каждым новым убийством, бухгалтер Блейк всё больше становится похож на того, кем его воображают другие — самим собой.

Никто из нас не объявлял инженера Молчанова великим писателем. Он и правда инженер, и вовсе не писатель (впрочем, в 34-м году эта профессия максимально приближена к инженерской).

Но кто он, Молчанов, если не писатель, если его в уголовном суде судят «за литературу»? Если его рассказы разбирает следователь — как критик? Если его журнал после смерти готовы издать тиражом в 25 раз больше прижизненного?

Если так пойдёт и дальше, мы рискуем дожить до открытия в Салтыковке памятного бюста. Таблички на доме. Переименования дачной библиотеки в «имени Молчанова». Что может быть смешнее?

(а кто был никем — тот станет Джимом Джармушем)

11.10.2019

Издателям-обывателям: манифест

Насколько мы успели разобраться, в мире существуют три молчановских «Зубоскала»:

первый — самиздатский журнал, отпечатанный машинисткой Скрипкиной за 60-с-чем-то рублей в 4-х экземплярах, локальный хит салтыковских вечеринок 1934-го года;

второй — ключевая улика в следственном деле об «антисоветской организации», нелегальный журнал, созданный преступной группой;

третий — найден «мертвыми душами» в следделе 85 лет спустя, «проза, пережитая как документ», образцовый *гезамкунстверк* для неудачников.

Если нам удастся собрать их под одной обложкой, то получится «Красный обыватель» — печальный оскал, смешная аутсайдерская повесть о скуке, бездельи, графомании и альтернативном жизнестроительстве.

Но пока здесь только вы.

И это конец первого сезона рассылки — мы ушли придумывать следующий.

На фото: неизвестные актёры самодельного салтыковского театра, 1930-е. Из архива семьи Калниных

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.